

УДК 355.233

«КОМАНДИРСКАЯ ПЕДАГОГИКА» А. С. МАКАРЕНКО

Т. С. Просветова

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 22 апреля 2013 г.

Аннотация: в статье раскрывается сущность «командирской педагогики» А. С. Макаренко с выделением ее содержательных признаков. Вместе с этим в статье показывается обусловленность теории и практики А. С. Макаренко историко-культурным контекстом времени и реформаторским направлением под руководством Н. К. Крупской.

Ключевые слова: социальное воспитание, принципы социального воспитания, военнизация как эстетика быта, атрибуты, ритуалы, традиции, «командирская педагогика».

Abstract: this article deals with the concept of the «commander's pedagogics» introduced by A.S. Makarenko. Its characteristic features are given. The article also demonstrates, that A. Makarenko's theory and practice were determined by historical and cultural environment of the time and by the reformation movement under the lead of N.K. Krupskaya.

Key words: social education, the principles of social education voennizatsiya as aesthetics of everyday life, attributes, rituals, traditions, «the commander's pedagogy».

Введение. В настоящее время по-прежнему привлекает внимание исследователей и практиков, причем как отечественных, так и зарубежных, воспитательная система А. С. Макаренко. Интерес обусловлен результативностью, целостностью, личностно-социальной направленностью. Вместе с тем до настоящего времени такой компонент его воспитательной системы, как «военно-педагогический» зачастую подвергался критике. «Меня, – писал уже писатель Макаренко в 30-е гг. XX в., – в свое время за это часто поносили, называли жандармом, Аракчеевым и другими генеральскими фамилиями. И я в последнее время, настаивая на этом (подч. мною. – Т. П.), всегда краснел и чувствовал, что я совершаю безнравственный поступок...» [1, с. 123]. Сам Макаренко объяснял свою приверженность «командирской педагогике» так: «Большой, огромный, исключительный даже в мировой истории успех имеет в воспитательной работе Красная Армия. Потому такой большой, огромный успех, что воспитательная работа Красной Армии всегда до конца целесообразна и воспитатели Красной Армии всегда знают, кого они хотят воспитать, чего они хотят добиться» [1, с. 126].

Необходимо отметить, что в 20-е гг. XX в. в Советской России, затем в СССР реализовывалась общегосударственная система социального воспитания, целью которой определялась подготовка «борца и строителя социалистического об-

щества». Основные принципы реформы образования были закреплены в «Положении о единой трудовой школе» (1918): связь школы с жизнью, связь производительного труда с обучением, самоуправление. Данные принципы призваны были гуманизировать и демократизировать практику воспитания, компонентом которой становилось обучение. В содержании воспитания подчеркивалась значимость физического (здоровье как основа жизнедеятельности человека) и эстетического (развитие творчества, т.е. способности к новому поиску и созданию новых форм, в том числе и социальных) воспитания. В методах воспитания акцент переносился на развитие самостоятельности, активности, инициативы. Реализация практики социального воспитания как следствие реформирования школы проводилась в рамках концепции социального воспитания, разработка которой велась Научно-педагогической секцией Государственного Ученого совета (НПС ГУСа), председателем которой являлась Н. К. Крупская. Именно в этом историко-культурном контексте времени необходимо осмысливать воспитательные системы 20-х гг. XX в. в целом и воспитательную систему А. С. Макаренко в частности.

Сущность «командирской педагогики» раскрыта А. С. Макаренко в лекции «Методы воспитания»: терминология; система деятельности отрядов, единоначалие командира, система рапортов командира, система деятельности совета командиров, введение дежурных командиров, часовой

го, караула, сигнала трубы, маршевых мелодий оркестра, знамени как воспитательного средства, системы нарядов как средств воспитания, единой формы, военной подготовки.

Терминология, по мнению Макаренко, важна. В его воспитательной системе применялась военная терминология. Например, «отряд», «командир отряда», «единоначалие», «рапортовать». Сам Макаренко отмечал: «В детском коллективе чрезвычайно красиво организуется единоначалие... Такой термин, как рапортовать. Конечно, можно было бы и просто получить отчет мальчика, но я считаю, что их очень увлекает некоторая законность этого отчета. Законность такая: командир на отчет должен прийти в форме, не в спецовке, не в том платье, в котором он может пробегать целый день. На отчете, когда один командир отдает рапорт, он должен салютовать, и я не имею права принимать рапорт, сидя, и все присутствующие должны салютовать. И все прекрасно знают, что, поднимая руку, все отдают привет работе отряда всего коллектива. Это подчеркивает честь...» [1, с. 137].

Систему деятельности отрядов сводных (трудовых) и первичных (организационных) Макаренко рассматривал условием развития трудовых и организационных функций, навыков управления и подчинения, интеграции личного и коллективного, что соответствовало социокультурным ценностям, модели общественно-государственного устройства и обусловленной этим модели «нового человека».

Традиции, ритуалы, атрибуты «командирской педагогики» были взаимосвязаны с принципами социального воспитания. Содержательная направленность «традиции военнизации» раскрывалась категорией «военной эстетики». В связи с этим А. С. Макаренко писал: «В военном быту, особенно в быту Красной Армии, есть много красивого, увлекающего людей, и в своей работе я все более и более убеждался в полезности этой эстетики. Ребята умеют еще больше украсить эту “военнизацию”, сделать ее более детской и более приятной... Должна быть эстетика военного быта, подтянутость, четкость... “Военнизация” – это эстетика, и в детском обществе она совершенно необходима, в особенности она хороша потому, что сохраняет силы коллектива, сохраняет от неразборчивых, неладных движений, от разболтанности движений, от разбросанности их» [1, с. 137].

Общее собрание должно было всегда открываться только дежурным командиром. Это настолько вошло в традицию, что даже приезд начальства не нарушал ее. Сигнал трубы служил знаком для сбора общего собрания. После этого оркестр, размещавшийся на балконе, играл три

марша. «Когда заканчивался третий марш, – рассказывал Макаренко, – я обязан был быть в зале, и я чувствовал, что я не мог не явиться. Если бы я не явился, меня бы обвинили, что я нарушаю порядок. Когда кончается марш, я обязан скомандовать: “Встать под знамя! Смирно!”» – причем я не вижу, где знамя, но я уверен, что оно близко, и что когда я скомандую, его внесут. И когда вносят знамя, все обязательно встают, и оркестр играет специальный знаменный салют. Когда знамя поставлено на сцену, собрание считается открытым, входит немедленно дежурный и говорит: “Собрание открыто”» [там же].

Содержательным признаком «командирской педагогики» у Макаренко являлась и система караулов. Он писал: «Мы прошли почти всю Украину, Волгу, Кавказ, Крым, и Красное знамя ни одной минуты не оставалось без караула. Когда об этом узнавали мои приятели-педагоги, они говорили: “Что вы делаете? Ночью мальчикам надо спать. У вас оздоровительная кампания, поход, а они стоят у вас ночами у знамени”. Мы говорили на разных языках. А я не понимал, как это можно в походной обстановке оставить знамя без караула. При входе в коммуны всегда стоял часовой с исправной винтовкой. Я даже боюсь об этом говорить. Патронов у него, конечно, не было, но он имел большую власть. Часто стоял тринадцати – четырнадцатилетний мальчик. Стояли по очереди. Он каждого постороннего проверял при входе – кто он такой, что ему нужно, зачем он идет, и имел право преградить ему путь винтовкой. Ночью двери в коммуны не запирались, он стоял тоже на часах, иногда трусил и боялся, но все равно стоял свои два часа» [там же].

Присутствие в жизни коллектива знамени Макаренко рассматривал как такое его содержание, которое «украшает коллектив, создает для коллектива тот внешний каркас, в котором красиво можно жить и который поэтому увлекает» [там же]. Почетное отношение к знамени, по его мнению, являлось «богатейшим воспитательным средством». В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского это выражалось и в том, что, если в комнате стояло знамя, которое по случаю ремонта надо было вынести в другое помещение, то в этом случае сначала шло построение всего коллектива. и только после этого, под звуки оркестра, его торжественно переносили в другое помещение.

Компонентом «командирской педагогики» у Макаренко была и форма. Однако он отмечал, что форма хороша только тогда, когда она красива и удобна: «Мне пришлось в связи с формой очень много пережить разных неприятностей и неудач, пока я пришел к более или менее удобной и кра-

сивой форме... Я считаю, что дети должны быть так красиво, так красочно одеты, чтобы они вызвали удивление. В старые века красиво одевались войска. Это было пышностью привилегированных классов. У нас таким привилегированным слоем общества, который имеет право красиво одеваться, должны быть дети. Я не остановился бы ни перед чем, я бы дал каждой школе очень красивую форму. Это очень хороший клей для коллектива. В известной мере я шел по этому направлению... Коллектив, который вы хорошо одеваете, на 50 % у вас в руках» [1, с. 139].

Военная подготовка в воспитательной системе Макаренко была представлена стрелковым, кавалерийским спортом и военным делом.

Макаренко, обобщая свой педагогический опыт в 30-е гг. XX в. определял его как педагогическую находку – «командирскую педагогику». Как он пришел к «командирской педагогике», позволяет понять современное отечественное и зарубежное макаренковедение. Одним из существенных источников понимания являются воспоминания его брата Виталия Семеновича Макаренко, белого офицера, эмигрировавшего в 1920 г. с остатками Добровольческой армии в Италию. В 1915 г. Виталий Макаренко, закончив военное училище, был направлен в действующую армию. Получил боевой опыт командования ротой, боевые ранения, награды, а также опыт службы в тылу как последствие серьезного ранения. После прихода большевиков к власти (октябрь 1917 г.) вынужден был уехать к брату (А. С. Макаренко) в г. Крюков Харьковской губернии, где преподавал в железнодорожном училище. С 1917 по 1919 г. Виталий Макаренко преподавал в высшем начальном железнодорожном училище. Как преподаватель, он много общался с учениками, рассказывал им о военной службе, ранениях, наградах, боевых действиях. Проявленный интерес учеников содействовал началу занятий с ними военным строем, а затем и присутствию знамени, оркестра в школе. Свои действия Виталий Макаренко аргументировал брату тем, что данная атрибутика есть у скаутов, в кадетских корпусах и имеет большое воспитательное значение. Положение Виталия Макаренко, как белого офицера с 1919 г. стало ухудшаться. В конце июня 1919 г. он был вынужден уехать из г. Крюкова и в ноябре 1920 г. в составе Добровольческой армии покинул Россию навсегда. Последние годы В. С. Макаренко провел на юге Франции в городе Йэр в доме для престарелых, скончался 22 июля 1983 г. в возрасте 88 лет. В 1970 г. сотрудники Лаборатории А. С. Макаренко Марбургского университета (руководитель Г. Хиллинг) разыскали Виталия Семеновича Ма-

каренко во Франции, где он жил с 1925 г. и убедили написать воспоминания, позволяющие сделать вывод о его влиянии и непосредственном участии во введении элементов военнизации в педагогический процесс. Вместе с тем в воспитательной системе Антона Семеновича Макаренко в 20-е гг. XX в. элементы военнизации были адаптированы как к возрастным особенностям детей и подростков, так и к теории и практике социального воспитания (обусловленность системой ценностей, целью, принципами, содержанием, методами социального воспитания), оформившись в систему «командирской педагогики».

Анализ архива А. С. Макаренко (Российский архив литературы и искусства в г. Москве) позволил выявить, что в 1926 г. он осмысливал развитие своей системы в рамках разработки проекта организации Всеукраинской детской трудовой армии. Данный проект Макаренко представлял в Одессе на съезде заведующих детгородками и колониями, что подтверждает его письмо к Н. Ф. Остроменецкой, ранее работавшей воспитателем в его колонии им. А. М. Горького: «...Вчера я возвратился из Одессы, где был на съезде заведующих детгородками и колониями. Там меня здорово качали. Между прочим, представил проект организации Всеукраинской детской трудовой армии (17 корпусов, 21 дивизия, 63 полка по 1000 человек каждый). Надо мной посмеялись как над мечтателем, но все же Наркомпрос предложил мне в качестве опыта организовать 1 детский корпус из всех детей Харьковского округа, считая беспризорных. Это даст 10 000 ребят. Я ставлю всяческие условия, главное это согласие и поддержка колонии Горького. Хлопцы к этому проекту относятся с энтузиазмом. Я все же боюсь, что не сумею справиться с миллионом мельчайших сопротивлений отдельных лиц и интересов» [2, л. 2].

А. С. Макаренко готовился к реализации своего замысла, что подтверждают разработанные им тезисы Проекта организации Трудового корпуса Харьковского округа [3, л. 1–3]. В марте 1927 г. он писал: «Мой проект о детском трудовом корпусе ...решил пока что оставить в бездействии. Правда этот проект был встречен “в кругах” с большим интересом, но я сразу понял, что встречу бесконечное сопротивление как сверху, так и снизу. А ведь верх и низ у нас всегда связаны разными “руками” и “кумовствами”... Под Харьковом есть Комаровка. Сейчас предлагают мне взять ее. Кажется, пойдут на все условия. Получится две колонии, которые еще не составят корпуса, но составят нечто, что можно, например, назвать дивизией. Впрочем, если я всего этого добьюсь, то это все-таки будет страшной глупостью. У нас ... чем больше рабо-

таешь, чем больше делаешь, тем больше на тебя собак вешают и при этом вешают с каким-то особым наслаждением. Я сейчас не могу без содрогания представить себе всю стихию педагогических разговоров и интересиков в Наркомпросе. Да ну их!» [2, л. 4].

Между тем в конце 20-х гг. XX в. система А. С. Макаренко становилась объектом непрекращающейся критики многочисленных проверяющих. Его критиковали за те коррективы принципов социального воспитания, которые он адаптировал к специфике руководимого им учреждения и контингента воспитанников с уголовным и полууголовным прошлым. Это назначенно-выборное самоуправление, наказание. Насколько трудно было работать, можно судить из его писем: «... Меня сейчас едят все кому не лень. Обследование за обследованием, объявляют мне выговоры, по округу запретили систему колонии Горького...» (апр. 1927 г.). «...Мешает мне работать та травля, которая ведется и сейчас против меня и всех горьковцев. Здесь задумали, кажется вообще, лишить меня возможности работать, моих коллег по колонии им. Горького просто разгоняют. Это все создает такие условия, когда для писания просто нет свободной души, хочется просто ругаться...» (сент. 1928) [2, л. 5, 8].

Однако А. С. Макаренко продолжал отстаивать свои педагогические находки, что подтверждает его письмо к В. А. Арнаутову (член коллегии Наркомпроса Украины): «...Независимо от того, какие репрессии могут быть ко мне применены, я продолжаю быть уверенным в правильности моего варианта детской организации» [4, л. 1]. Вместе с этим, опыт организации коммуны им. Ф. Э. Дзержинского на основе той системы, которую Макаренко реализовал в колонии им. Горького, позволял ему настаивать на реализации проекта организации трудового детского корпуса. «...Наблюдение многих деталей этой связи [колонии Горького и коммуны Дзержинского] приводит меня к глубокому убеждению, что все детские колонии могут переживать гордость своей организации на фоне общего развития. Я на это и рассчитываю в своем проекте "Трудового детского корпуса"» [4, л. 2].

В конце 20-х гг. XX в. А. С. Макаренко продолжал следовать основным принципам социального воспитания, разработанным в рамках реформаторского направления под руководством Н. К. Крупской и закрепленным в «Положении» 1918 г. Однако это были адаптированные принципы, что не соответствовало формальным схемам проверяющих чиновников. В марте 1928 г. Макаренко выступил с докладом об организации трудовой коммуны им. Дзержинского на заседании

секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики. Насколько не принимали его систему «командирской педагогики» участники заседания, позволяют судить выступления в прениях. В частности, Макаренко ставили в вину «военный тип отношений, не соответствующий пониманию военнизации учреждений социального воспитания нормального типа», «военный дух, формой осуществления которого является длительная игра, расходящаяся с основными принципами социального воспитания в советской педагогике» [5, л. 15].

На рубеже 20–30-х гг. XX в. изменилась политика партийно-государственной власти страны. Реформаторское направление под руководством Н. К. Крупской было разгромлено. Именно в этом контексте нужно рассматривать и процессы по отношению к А. С. Макаренко в коммуне им. Дзержинского. Фактически его система была разрушена. В связи с этим он писал: «Я совершенно не хочу разливаясь в скорби. Очевидно, моя роль в коммуне просто закончена... Второй раз у меня вырывают работу из рук – первый раз в колонии Горького в 1927 году, когда Наркомпросовские дамы испугались командира и второй раз, сейчас, когда Кочубиевскому захотелось употребить и дисциплину, и культуру нашего коллектива для производственного марафета. В первый раз мне посчастливилось отступить к вам с отрядом в 60 человек, а теперь и отступить некуда...» [6, л. 5].

Заключение. Анализ «командирской педагогики» А. С. Макаренко позволяет заключить, что его система явилась действенной и результативной, основанной на адаптированных им принципах социального воспитания 20-х гг. XX в. Выделение «командирской педагогики» как самостоятельного предмета осмысления представляется значимым как для современной практики специальных воспитательных учреждений, так и для военно-педагогической теории и практики (технологичность становления коллектива; формы, методы, средства воспитания).

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А. С. Методы воспитания / А. С. Макаренко // Педагогические сочинения : в 8 т. / сост. М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. – М. : Педагогика. – Т. 4. – 400 с.
2. Письма А. С. Макаренко – Н. Ф. Остроменецкой (9 окт. 1926 – 16 окт. 1928) // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 332. – Оп. 4. – Ед. хр. 276 (далее – РГАЛИ).
3. Проект организации Трудового детского корпуса Харьковского округа: тезисы // РГАЛИ. – Ф. 332. – Оп. 4. – Ед. хр. 98.

4. Письмо А. С. Макаренко В. А. Арнаутову // РГАЛИ. – Ф. 332. – Оп. 4. – Ед. хр. 251.

5. Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского ин-

ститута педагогики (14 марта 1928 г.) // РГАЛИ. – Ф. 332. – Оп. 4. – Ед. хр. 145.

6. Письма А. С. Макаренко Л. В. Крендясовой (3 дек. 1937 г.) // РГАЛИ. – Ф. 332. – Оп. 4. – Ед. хр. 254.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Воронеж)

Просветова Т. С., доктор педагогических наук, доцент кафедры морально-психологического обеспечения (боевых действий авиации)

E-mail: vauuy@mail.ru

Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukowski and Yu. A. Gagarin (Voronezh)

Prosvetova T. S., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Moral and Psychological Support (of the Air Combat Operations) Department

E-mail: vauuy@mail.ru